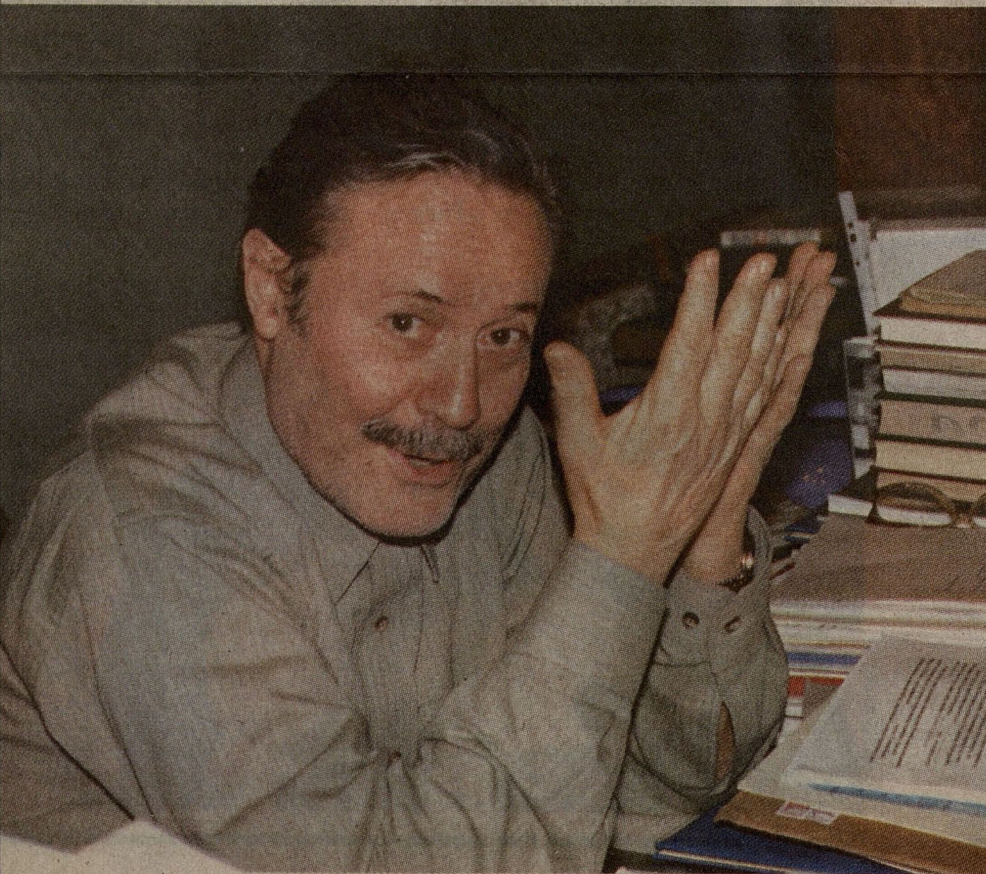

Юрий Соломин:

Известия. - 2009. - 14 марта. - с. 16, 14.

«Мы, как пограничники, охраняем рубежи»

В Малом выходит новый «Ревизор», которого ставит худрук театра Юрий Соломин. Бурные режиссерские эксперименты всегда обходили этот театр стороной. При Юрии Соломине цитадель актерского искусства стала еще более неприступной. От нового «Ревизора» ждешь поэтому не оригинальной трактовки, а удовольствия старого бенефисного театра, где все предсказуемо, но многое хорошо сыграно. Накануне премьеры постановщик спектакля поделился своими соображениями о Гоголе, русской классике и современном театре с обозревателем «Известий» Мариной Давыдовой.

ИЗВЕСТИЯ: Вы много «Ревизоров» в своей жизни видели?

Юрий Соломин: Достаточное количество. И в Малом театре, и за его пределами, и за рубежом. И товстоноговский спектакль, и мхатовский — мы тогда параллельно их выпускали.

ИЗВЕСТИЯ: И какой же из них произвел на вас самое сильное впечатление?

Соломин: А никакой. Понимаете, я настолько в материале... Думаю, то, что я сейчас делаю, тоже на меня сильного впечатления не произведет. У меня с 1966 года близкие отношения с Гоголем. Это третья моя работа над «Ревизором».

ИЗВЕСТИЯ: Но первая в качестве режиссера.

Соломин: Вторая. Первого я делал вместе с Евгением Весником. А как актер соприкоснулся с «Ревизором» благодаря Игорю Ильинскому, который взял меня на роль Хлестакова. Сам он был блестящим исполнителем этой роли. Потом он и Городничего работал. А тут как режиссер ставил и роль Хлестакова передал мне из рук в руки. Вы, конечно, понимаете, что в то время Ильинский и я — это были небо и земля.

Ильинский был великим артистом, а еще — тонким режиссером и, главное, педагогом. Он не требовал от меня делать то, что делал сам. Он понимал, что время другое, что у меня другие данные.

ИЗВЕСТИЯ: Мне как-то сложно примерить на вас роль Хлестакова...

Соломин: Да?! Ну вообще-то это одна из моих лучших ролей была. Хлестаков ведь не то, что писал когда-то великий критик, которого мы все в школе изучали. «Без царя в голове». Я боюсь, этот критик не очень хорошо пьесу прочитал. Помните, Хлестаков пишет письмо: «А напишу-ка я в Петербург, Тряпичкину. Пусть он их отщелкает хорошенько»? ➔ **СТР. 14**

Юрий Соломин:

«Мы, как пограничники, охраняем рубежи»

ФОТО: МИХАИЛ ГИТЕРМАН

известия: Это немного похоже на дневник Глума из пьесы Островского.

Соломин: Совершенно верно. Так вот, человек «без царя в голове» такого написать не может. Конечно, он наивен, но он не дурак. Таких ребятшек, как Хлестаков, сколько у нас сейчас бродит... А в то время, когда я играл, было много стилияг. Я не хочу сказать, что я играл стилиягу, но это естественным образом входило в роль. Сейчас модно говорить, какая концепция у режиссера. Но иногда концепция режиссера абсолютно не соответствует концепции автора. И вот артисты играют нечто вопреки автору, пытаются угодить режиссеру, потому что это их начальник.

Меня спросили артисты, когда мы начали репетировать: а какая у нас концепция? Стали читать и начали все хохотать. Я говорю: ну вот про это и будем играть. Попытаемся расшифровать, что имел в виду Гоголь.

известия: Но, скажем, Мейерхольд, поставивший, как считается, одного из лучших «Ревизоров», тоже был очень

активен во взаимоотношениях с автором.

Соломин: Вы знаете, я его спектаклей не видел.

известия: Да я, в общем, тоже.

Соломин: Значит, мы ничего точно сказать о нем не можем. Очень много разноречивых толков. Кстати, Ильинский, Царев, Варпаховский, Равенских, Самойлов Евгений Валерьянович — все они прошли через школу Мейерхольда. И это не мешало им работать в Малом театре. А мемуарам и воспоминаниям всяким я не очень верю. Я сам с этим столкнулся. Когда человек пишет в какой-то взнервленный момент, он такое в дневнике напороть может! Я тоже начал было писать дневники, а потом остановился. В этот момент ты отвечаешь врагу или восторгаешься, а через три дня сам видишь, какая глупость. Но забываешь вычеркнуть.

известия: Что такое для вас режиссура?

Соломин: Для меня это прежде всего педагогика. Я ведь очень рано начал преподавать — в 26 лет. И рано начал ставить. Тогда не только я, но и еще несколько

известных артистов в Москве стали режиссерами. И все спрашивали: зачем, куда они лезут?

известия: Когда вы играли Хлестакова в 1966 году, текущая за стенами театра жизнь естественным образом входила в спектакль. А теперешняя жизнь входит?

Соломин: Еще больше, чем тогда. Тогда мы намекали ну разве что на секретаря обкома. А теперь что ни реплика — то в самое яблочко. Городничий говорит: «Тихо, тихо, это дело семейственное». И нам это сразу что-то напоминает.

известия: Но ваши артисты пытаются играть людей сегодняшнего дня или XIX века?

Соломин: Нет, нет. Мы играем традиционно. У нас костюмы того времени. И декорации тоже делаем традиционно. Безо всяких абстракций и новаций. А то, знаете, завалить Анну Андреевну или Марью Антоновну — тут ума большого не надо.

известия: Вы ходите в другие театры?

Соломин: Хожу. Но бывает так, что приглашают, а я не иду. Потому что существуют разные направления. Тот сленг, на котором говорят современные герои... Достаточно того, что он существует в жизни. Но на сцене его быть не должно. Если вы хотите получить порцию мата, то, пока доедете до театра в метро, и так ее получите. Это что — искусство? Это что — культура народа? Культура языка?! (Раздается звонок. Соломин снимает трубку и разговаривает по телефону, бойко вставляя слова по-японски.)

известия: У вас, я так понимаю, тесные связи с Японией еще со времен съемок у Курасава?

Соломин: Да, мы уже в пятый раз должны ехать туда на гастроли за последние 14 лет. Там очень любят русскую классику. Особенно Чехова. Мы всего нашего Чехова туда возили. А теперь у нас задача показать там Островского.

известия: Я задала этот вопрос, потому что Малый театр

теперь — это цитадель традиции, а в Японии есть некие театральные формы, не подверженные коррозии временем...

Соломин: У каждого народа, который себя уважает, должны быть традиции. У нас есть такие деятели и критики, которые говорят чуть ли не с презрением: «Ну, это традиционный театр». Во Франции о «Комеди Франсез» так не говорят.

известия: Вы знаете, наверное, что в «Комеди Франсез» давно уже ставят все кто угодно, включая Боба Вилсона.

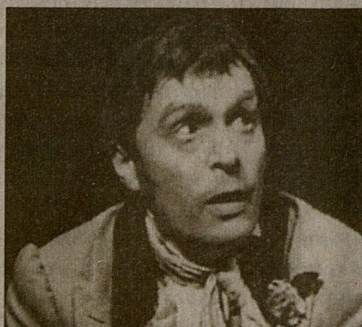
Соломин: И все равно. Это «Комеди Франсез». Вот недавно мы были в Италии, играли там наш спектакль по чеховским водевилям под общим названием «Свадьба, свадьба». И он произвел огромное впечатление. Там говорили: почему мы не знаем Малый театр? Знаем МХАТ, Станиславского. А ведь школа Малого нам очень близка по органике.

Если бы мы не нравились зрителям, нас давно бы уже скупали. На худой конец, открыли бы здесь какое-то варьете. А мы живем. Играем тут классику. Играем так, чтобы зритель не путался, а школьники не думали, что Чехов писал пьесы с названиями, которые мне и вспоминать не хочется. Мы, как пограничники, стоим на рубеже. Я за то, чтобы не погнали, не портили. Хотите что-то сказать на современную тему — напишите новую пьесу и посмотрите, будут на вас ходить или не будут.

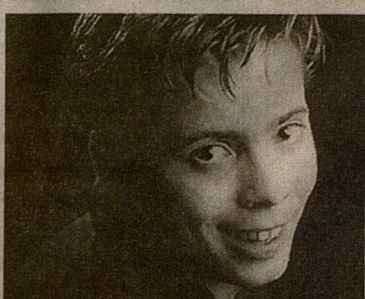
известия: Но в Малом театре в XIX веке ставили отнюдь не только классику. Ставили и современную драматургию — в том числе того же Островского. И его тоже не сразу приняли. Писали, что он «провонял сцену полушубком».

Соломин: Все временем поверяется. Вот лет через 50 мы посмотрим, что ж за паразит такой Малый театр, который не ставил такого-то автора современного, а он потом раз — и стал классиком. Вот давайте посмотрим. Давайте доживем...

Кто играл Хлестакова

Игорь Горбачев, Олег Басилашвили и Андрей Миронов — легендарные Хлестаковы

Евгений Миронов, Максим Суханов, Гоша Куценко и молодой актер Малого театра Дмитрий Солодовник — Хлестаковы нового поколения